

**В вихре
времени**

Юрий КОРЧЕВСКИЙ

Воевода
ертаула

Полк конной разведки

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *П. Ильина*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Воевода ертаула. Полк конной разведки /
Юрий Корчевский. — Москва : Яуза : Эксмо,
2016. — 384 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-699-87340-1

ЕРТАУЛ – так в Московском Царстве называют передовой полк конной разведки, который всегда идет в авангарде царского войска и куда отбирают лишь лучших из лучших.

И наш современник, заброшенный на полтысячи лет назад, заслужит честь стать воеводой этого элитного соединения!

Он спасет русскую рать от окружения, сорвав обходной маневр крымской орды.

Он проведет успешную спецоперацию по перехвату тайной переписки польского короля с папским легатом.

Он спасет от ляхов царскую казну и будет пожалован княжеским титулом!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корчевский Ю.Г., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-87340-1

ГЛАВА I

Давно заметил — только дела начинают идти в гору и жизнь налаживаться, откуда ни возьмись возникает новая проблема, а то и беда на пороге ждет.

Сколько раз вокруг меня кружила смерть, но так остро, как вчера, на дороге из Смольяниново в Вологду, я еще не ощущал ее ледяного дыхания. Цепenea от ужаса, наблюдал с подвернувшегося у обочины дерева, как стая голодных волков догрызла моего коня и эти твари, оглашая окрестности диким воем, ждали падения моего коченеющего на морозе тела, чтобы продолжить кровавую трапезу. Казалось — нет надежды, все, пропал. Да, видно, не зря говорят — нет худа без добра. Откуда он здесь мог взяться — мой спаситель, запозднившийся охотник Демьян, что спешил вернуться в город?

А может быть, не все задачи в этой жизни я выполнил и нужен Ему, пославшему мне чудесное спасение свыше? Для свершения неведомых мне до поры дел?

Мне, как никогда, хотелось жить и действовать: бороться, защищать и спасать, добиваться торжества Правды и поражения зла, быть полезным и любить. Но прежде надо встать на ноги, помороженные вчера.

Утром я проснулся с трудом — знобило, поднимался жар. Нога, что поморозил ночью, распухла почти до колена, кожа на стопе покрылась пятнами. Отморозил, ешкин кот! Мне только этого не хватало. Надо в баньку сходить, попариться, да горячего молока с медом да малиновым вареньем попить, полежать, пропотеть.

Я позвал Федьку, приказал истопить баню. Заодно и поинтересовался:

— Где спаситель мой, Демьян?

— Затемно еще поднялся, ушел.

Эка незадача.

— Куда, не сказывал?

— Сказывал — на торг.

— Поручи баню холопам истопить. Сам на торг ступай, найди и приведи Демьяна. Не успел я отблагодарить человека, да и виды на него имею. Убедился я — лучник он отменный. А мне еще воинов набирать надо — государь землицею жаловал, так что дружину личную увеличивать надо.

— Понял, бегу.

В спальню вошла Лена.

— Что вчера случилось? — встревоженно спросила она. — Почему так поздно вернулся — и без коня?

— Стая волков на меня напала. Коня съели, сам едва живой остался, да, похоже, простыл, ногу вот еще отморозил.

— Бедненький! Сейчас я тебе молока согрею, да с медом.

— Холопам напомни про баню, я им распоряжение дал.

— Суется уже, Федька наказал.

Вскоре молоко было готово, я напился.

В постели под одеялом было жарко, пот катился градом. Но стоило отбросить одеяло — знобило.

К полудню баня согрелась, и я отправился париться. Стоило немного плеснуть воды на каменку, как пар, казалось, обжигал кожу. Помороженная нога вообще не давала даже прикоснуться к себе. Тем не менее я стоически выдержал часа два, то поддавая парку, то расслабляясь на полке. Когда с меня сошло семь потов, решил — хватит. Оделся в чистое исподнее, посидел, остывая, в предбаннике, попил отвар трав, что приготовила жена.

Почувствовав облегчение, я побрел в дом. А в трапезной уже сидят Федька с Демьяном.

— Вот, боярин, еле нашел охотника — уж совсем было отчаялся.

— Ты что же, Демьян, ушел не попрощавшись? Я тут приболел немного после вчерашнего.

— В баньку, боярин, надо, да отвар из трав целебный попить.

— Только из баньки. Подождите меня.

Я вышел из трапезной, прошел к себе в комнату, взял мешочек с монетами. Вернувшись в трапезную, с благодарностью вручил его Демьяну. Тот взвесил на руке мешочек, сказал:

— Многовато даешь, боярин.

— Думаешь, моя жизнь дешевле стоит?

— Это уж кому как виднее.

Демьян приподнялся было с лавки.

— Ты не торопись, охотник. Дело у меня к тебе. Видел я вчера, что из лука пострелять ты мастер. Не хочешь в дружину ко мне прибиться? О куске хлеба и крыше над головой думать не надо будет, жалование положу, броню да оружие дам.

— Уж больно сладкие речи ведешь, боярин. А ну как враги, в сечу идти?

— Так святое же дело — за Русь постоять!

Демьян задумался. Я не торопил. Одно дело — сам себе хозяин, вольный человек, другое — в дружине ходить, под боярином. Не тяжкая доля в мирное время, однако и голову в сече сложить можно или калекой остаться.

— А что, согласен, — махнул рукой охотник. — Пропади она пропадом, такая жизнь. Федор твой, пока с торга шли, расписывал, какие трофеи на саблю берут. А мне хлеб тяжело достается. Зверя выследить надо, изловчиться убить, шкурку обработать. Да налог заплатить деньгою — это опять на торг ехать.

— Ну, вот и славно. Принимай, Федор, нового воина в дружину. Учи сабельному бою, пусть из мушкета постреляет, пообвыкнет. А в остальном пусть лучником и останется. В дозоре да в засаде лук нужен. Сам знаешь: мушкет грохочет — за версту слышно. Место в избе найдется — веди, Федор.

Новому воину я был рад. Жалованная земля — это хорошо, но и воины в поместное ополчение с площади земли во владении боярском исчислялись. Надо бы еще двух к себе сманить или купить. Только абы кого не возмешь — не всякий жизнью рисковать захочет. У воина жизнь более веселая, беззаботная и хмельная, нежели у хлебопашца или ремесленника, но и более короткая. Редко кто из них до старости доживает. Потому и стоят выше на социальной лестнице.

Я прошел в спальню. Что-то утомился, хотя и не делал ничего. Видно, болезнь ослабила. Пощупал лоб — вроде жар спал, но вялость и слабость оста-

вались. Жена подсустилась, принесла жиру барсучьего — ногу помороженную намазать.

Так я и отлеживался три дня. Простуда прошла, но нога зажила только через месяц. Представляю, что было бы, просиди я на дереве до утра, когда потянулись бы первые обозы и мужики отогнали волков. Точно без ноги бы остался, калекой, а может, и на смерть замерз. Повезло, что Демьян проходил.

Я периодически интересовался у Федьки, как учится ратному делу Демьян.

— Огненного боя не любит, саблей владеть научился, но больше — ножом. Лазутчик прирожденный, — ответил Федор. — Рядом пройдет — и не услышишь.

— Охотник все же.

— Вот-вот. Лазутчиком али пластуном быть — его доля. У нас так никто не может. По лесу идут — ровно стадо, шум да треск стоит. Только и могут, что железом махать.

— Это хорошо, что лазутчик у нас будет. Еще бы двух боевых холопов надо, да где их взять?

— А смотри когда, боярин?

— Через месяц.

Федька присвистнул.

Рано утром, едва рассвело, в ворота постучал гонец. Я чертыхнулся — принесла его нелегкая в столь ранний час! Ведь наверняка не с радостной вестью в ворота стучит. Или беда стряслась какая?

Я только к воротам подошел, как гонец через забор прокричал:

— Воевода вызывает! — и умчался.

Я вздохнул — тяжка боярская доля! Только навещешь в вотчине своей порядок — неси государево тягло. Или на заставу — порубежье охранять, или

воевать — с татарами, Литвою, шведами — да мало ли у Руси врагов, жаждущих урвать у соседа землицы, угнать пленных в рабство, поживиться добром чужим. Несть им числа!

Умывшись и одевшись подобающим образом, я поднялся в седло. Это уж Федька-заноза подсуетился. Пока я себя в порядок приводил, он коня оседлал.

До управы ехать недалеко, однако морозный ветер быстро прогнал остатки утреннего сна.

Я легко взбежал по ступенькам и, войдя в кабинет воеводы, отвесил легкий поклон, пожелал здоровья.

— И тебе здоровья и удачи во всем. Садись, боярин.

Я уселся на лавку, сняв шапку, и приготовился ждать остальных бояр, думая, что вызваны все. Но воевода начал разговор, не дожидаясь прибытия остальных.

— Ты знаешь, что в городе бунт зреет?

Я удивился — никто мне раньше не сообщал об этом, да и с чего быть бунту?

— Не ведаю, воевода, — честно ответил я. — Да и не по чину мне — на то Разбойный приказ есть.

— И причины волнений не знаешь?

Я пожал плечами.

— Простыл я сильно, воевода, да ногу поморозил, почитай — месяц в постели провалялся.

— Тогда понятно. Из-за соли волнения. Сам понимаешь — товар наиважнейший, без него за стол не сядешь. А на торгу соль пропала. Уходят обозы в Соль-Вычегодск и как в воду канут. Вот и подумали мы с наместником — кто-то воду мутит, выгоду от того ищет. Ладно бы, если торговцы решили товар придержать да цену поднять. Так ведь нет соли у купцов. Почитай, как снег лег, так ни одного обоза

с солью и не было. А впереди весна, распутица. Вот и порешили — пока не припекло, обоз за солью отправивать.

— Я-то здесь каким боком?

— Купец с обозом поедет, соль — его забота. Ты же со своими ратниками за целость обоза отвечаешь. Коли разбойники — руби, другое что — ну, мне тебя учить не надо, решай на месте.

Только я рот открыл, как Плещеев замахал рукой:

— Знаю, знаю, на порубежье был, коли не война — тебя три года трогать не можно. Только у меня бояр разумных да боевых не так много. Саблей помахать — найдутся люди, да сдастся мне, тут головой думать придется. Вон как ты раскрутил убийство злопакостное боярина Ивана Андреева. До сих пор стряпчий государев Федор Кучецкой о тебе вспоминает, как встретимся. Знать, понравился ты ему.

— Что я, динар золотой или талер — всем нравиться?

Воевода озлился, хлопнул ладонью по столу.

— Тебе город честь оказывает. А ну — бунт вспыхнет, думаешь, тебя обойдет? Всех на вилы поднять могут! Ты об этом подумал?

И впрямь — своя рубашка ближе к телу. Я действительно думал о своих нерешенных делах, а не о зреющем недовольстве. А случись бунт — можно и не успеть в Смоляниново сбежать, укрыться в вотчине. Да и не в моих правилах бегать — тем более не от неприятеля.

— Усөвөстил, воевода! Прощения прошу. Когда выезжать?

— Обоз уже готов. Сегодня выехать хотели, да о тебе вовремя вспомнили. Сколько тебе времени надо?

Я прикинул — холопы на месте, припасы в дорогу взять — полчасу.

— Через час буду готов выступить.

— Вот и славно. Я распоряджусь — пусть обоз выходит, вы верхами его быстро нагоните — по дороге на Великий Устюг. С богом!

Я поклонился и вышел.

Слов нет — честь, конечно, оказана. Но и дома теперь меня недели три, а то и месяц не увидят.

К моему удовольствию, ратники мои были все в сборе и одеты по-походному. Осталось только оседлать лошадей да припасы собрать.

— Молодец! — похвалил я Федора.

— А то! Как гонец прискакал, так я сразу и понял — собираться надо. Уж и припасы из кладовой в сумы уложены. На кого воевать идем?

— Обоз соляной сопровождать в Соль-Вычегоду.

— Дело! В городе соли уж две седмицы нету.

— Чего же ты молчал?

— Дык, — растерялся Федор, — хозяйке, боярыне, значит, я сказал — ее это дело.

— Седлайте лошадей — обоз уже вышел, мы догоним. Я мигом.

Я забежал домой, обнял Елену, пояснив, что уезжаю на месяц, не на войну — соляной обоз сопровождать.

— Кстати, и нам соли привези — хошь мешок. Наша почти закончилась.

Поцеловав жену на прощанье и обняв Васятку, я выбежал из дома и с крыльца — сразу в седло. Федор расстарался, подвел лошадь к ступенькам.

Галопом моя кавалькада вылетела из города. Сначала гнали на север, а, достигнув замерзшей реки, свернули на нее. Вот и обоз, недалеко ушел. Длинный.

Пока обгоняли его по заснеженному льду, я посчитал подводы — двадцать штук. Каждая лошадь в долгом пути по триста килограмм на санях утащит. Итого — шесть тонн. Неплохо!

На передних санях, укрытый медвежьей шкурой, важно восседал купец. Я пристроил коня рядом с санями.

— День добрый!

— И вам того же. Воевода прислал?

— Он самый. Как звать-величать?

— Первуша Ткач.

— Первый сын в семье, значит. А меня Георгий Михайлов, боярин.

— Во как! Соли в городе не стало, так и боярина с дружиной отрядили. Вечно у нас так — жареный петух не клюнет, не почешемся. Значица, так — давай определимся. Мое дело — соль купить и привезти, твое — обоз и людей сохранить. Так?

Я согласился:

— Так, о том и воевода меня предупредил.

Купец повеселел:

— Значит, сходимся, боярин.

Я понял, о чем он. Боярин выше купца, и Первуша боялся, что я командовать начну. Но у меня и без соли забот хватит, пусть коммерцию он себе оставит, на то он и купец. Меня другое заботило — почему соль в город не везут.

На Руси бунты бывали — медный, хлебный, слышал я и о соляных бунтах. Но то было, когда цена на соль поднялась. А вот почему обозы с солью исчезают? Купцы с деньгами едут, люди при обозе. Куда же все пропадает? Разбойники балуют? Все равно — хоть кто-то, да уцелел бы, дошла бы весть. «Не стоит расслабляться, — решил я, — хоть и по своей земле

едем, противника нет, однако же он должен быть, этот неведомый враг...»

Ехали до сумерек. Остановились на постоялом дворе. В трапезной ратники налегли на суп да мясное. Сидевший с нами за одним столом купец заказал только постное и осуждающе покачал головой:

— Пост ведь Великий, мясо грешно вкушать.

— Путникам, воинам и болящим дозволяется. Вот мы и едим, — ответил за меня Федька.

Он вообще не терпел, когда кто-нибудь, кроме меня, делал замечания или пытался поучать.

Доели уже молча и улеглись спать. Целый день верхом да на морозе — утомительно.

Через неделю мы добрались до Устюга. Здесь дали лошадям день отдыха.

Я хотел поговорить с местным воеводой, но его в городе не оказалось. Местные бояре же ни о чем подозрительном не слыхивали, и соль в Устюге была.

— Первуша, а соль-то в Устюге есть. Давай здесь купим да вернемся, — предложил я.

— Ты что, боярин? Здесь соль изрядно дороже будет. Да и много нам надо, небось во всем Устюге столько не наберется. И вообще, ты уж извини, боярин, соль выгодно купить — мое дело.

— Как знаешь.

Отдохнувшие и отъевшиеся сеном лошади шли бодро — только пар из ноздрей валит.

А у меня мыслишка закралась. Коли в Устюге с солью все в порядке, стало быть, закавыка как раз на обратном пути должна быть, и непременно — на пути от Устюга до Вологды. По крайней мере, по логике получалось так.

Еще несколько дней пути, и мы — на месте. Соль-Вычегодск, небольшой городишко на северо-восто-

ке, на Русском Севере. Главное его богатство — соль. Солью торговали все — купцы, мелкие разносчики на торгу; солью были забиты лавки, лабазы, амбары. Везде — мешки с солью. А как иначе — товар, можно сказать, стратегический. Без него — ни рыбку посолить, ни суп приправить. Соль на Руси ценилась высоко, частенько ее мешали с перцем, и у путников, воинов мешочек с нею всегда был в суме.

Пока Первуша занимался закупкой, я обошел торговцев, ненароком спрашивая о предыдущих обозах с Вологды.

— Были обозы — мы уж всех ваших, кто солью торгует, знаем. Так ведь как снег лег да морозом реки сковало, были из Вологды покупатели, много соли брали. А что случилось-то? Неуж соль кончилась?

Пришлось приврать, что обоз под лед провалился. Известное дело — соль воды боится, вот и пропал товар.

Я умышленно не говорил о пропаже обозов. Если это разбойничьих рук дело — сообщников неосторожными расспросами насторожить можно. А коли тати здесь ни при чем, так продавцы быстро цену поднять могут. Торговля — дело тонкое и хитрое.

С ратниками перемолвился — они тоже не слышали о грабежах, не жаловался никто.

Мы скупили соль, нагрузили сани и назавтра тронулись в обратный путь. Федьку-занозу, как более опытного из дружины, я поставил во главе трех холопов прикрывать обоз сзади. Сам же с тремя другими холопами ехал впереди обоза, опережая его метров на сто. Обычно авангард не уходил так далеко, сопровождая обозы. Но я решил перестраховаться: случись нападение — сзади успеет подойти на помощь Федька с холопами, а обозники смогут